

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ГРАДИЕНТ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОСЕДНИХ РАЙОНАХ РОССИИ И УКРАИНЫ*

Антон Алексеевич Гриценко,
кандидат географических наук,
научный сотрудник лаборатории геополитических исследований
Института географии РАН
E-mail: antohaha@yahoo.com

Михаил Петрович Крылов,
доктор географических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований
Института географии РАН
E-mail: mpkrylov@yandex.ru

В статье исследуются особенности региональной идентичности населения в соседних районах России и Украины в связи с этнокультурным ландшафтом, исторической памятью. Представлены методика и некоторые результаты полевых исследований 2012 года. Детально разработана пространственная модель исторической и культурной интерференции – «градиент». Построены карты российско-украинского этнокультурного градиента и Сумского и Курского ментальных регионов.

Ключевые слова: региональная идентичность; самоидентификация; этнокультурная идентичность; этнокультурный градиент; историческая память; исторический регион; ментальный регион; малая родина

УДК 910.1:303.446.23(470.32+477.5)

Настоящая статья продолжает серию публикаций авторов, посвящённых *региональной идентичности* в российско-украинском пограничье, сложно отделимой здесь от *этнической* составляющей вследствие глубокой интерференции русской и украинской культур.

Ранее мы рассматривали территории России, примыкающие к Украине – Брянскую, Курскую, Белгородскую и часть Воронежской области. Исследования охватывали исторические поселения из числа современных городов и посёлков (бывших городов) с хорошо развитыми межселенческими и региональными связями, со сложившимися культурными традициями, исторической памятью и этнокультурным ландшафтом в целом [Гриценко, Крылов 2011].

В рамках нового этапа исследований, представляемого в настоящей статье, перед нами стояла задача рассмотреть современное состояние российско-украинской этнокультурной интерференции не только с российской, но также и с *украинской стороны*, откуда многие сюжеты воспринимаются иначе.

Новыми районом исследований стала *Левобережная Украина*. На территории России исследования были продолжены, однако теперь мы сосредоточились на поиске российских параллелей к украинским позициям.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, экспедиционный грант №12-01-18066.

С середины XVII в. Левобережная Украина тесно связана с Россией. Украинские историки отмечают, что периодически связь с Россией оценивалась местными элитами негативно – как препятствие для обретения независимости. Тем не менее, Россия на этой территории продолжала оставаться «значимым Другим», а нередко – и «значимым своим», во многом благодаря позиционному фактору.

Следует заметить, что ни одна из частей исторической Левобережной Украины вплоть до XX века не представляла собой суверенного в современном смысле государственного образования. Появление же вслед за кровопролитной польско-украинской войной Гетманщины (просуществовала до 1765 г.), которую украинские историки часто рассматривают как независимое государство, стало возможным лишь после установления протектората со стороны Московского государства в 1654 г. (в советской историографии – воссоединение Украины с Россией).

Другая часть исторической Левобережной Украины – примыкающая с двух сторон к современной российско-украинской границе *Слободская Украина* – формировалась в пределах России (Московского государства) и лишь пользовалась относительной автономией до 1779 г.

Постановка проблемы

Мы исходим из того, что интерференция украинской и русской культур находит своё отражение в элементах региональной идентичности соседних территорий Украины и России.

Основная специфическая *проблема* российско-украинской идентичности в нашем исследовании может быть сформулирована так: *естественно или искусственно современное разделение России и Украины на два независимых государства?*

Согласно одной версии (ей соответствует и определённая идентичность) ответа на этот вопрос, Россия и Украина или, по крайней мере, Слободской Украина представляют собой *исторически сложившееся единство, ныне разрушенное*. Другая версия состоит в признании сторон культурно и этнически различными странами, временно объединявшимися Российской империей и СССР. Такого рода идентичность может быть и антироссийской, и ориентированной на Россию («Россия – отдельное, но дружественное государство»). При этом определённая часть населения российско-украинского приграничья может не всегда иметь достаточно чёткую позицию относительно «нераздельности» и «естественности» исторических связей России и Украины. В рамках указанной ориентации на Россию или Украину историческая память по-разному будет отражать одни и те же события исторического прошлого, общие для России и Украины; при этом позиционный фактор будет формировать региональные и местные идентичности, отражающие реальное этнокультурное разнообразие в российско-украинском приграничье.

Научная *задача* нашего исследования заключается в *выявлении разнообразных проявлений региональной идентичности в её взаимодействии с украинской и русской этнической и культурной идентичностями* и в поиске адекватных *методических форм отображения* этой идентичности в географическом пространстве.

Наша задача служит частью более широкой проблемы описания структуры этнокультурных трансформаций, наблюдаемых в российско-украинском приграничье и в соседних областях Украины.

Следует признать, что с научной точки зрения рассматриваемая проблема пока, к сожалению, далека от разрешения как с методологической, так и с методической точки зрения. Основная причина, на наш взгляд, – в недостаточной адекватности применяемого концептуального аппарата по отношению ко всему многообразию конкретных ситуаций на рассматриваемых территориях. Способы характеристики многообразного этнокультурного фона, в рамках которых происходят этнокультурные трансформации и проявляются региональные идентичности, часто вызывают сомнения и возражения. В поле зрения участников заочной дискуссии о соотношении «русского» и «украинского» начала оказываются лишь отдельные элементы этнокультурных ситуаций, нередко абсолютизируемые.

Крайности признания «исконного», перманентного существования на территории Украины украинского этноса и протоэтноса (напоминающие современные представления грузинской историософии [Цымбурский 2011: 255-264]) сосуществуют с допущением относительно легко, почти случайно, но весьма успешно реализованного «украинского национального проекта» (по А.И. Миллеру).

Ряд российских авторов весьма скептически оценивает создание «новых восточнославянских наций», предполагая, что лишь для русских подходит принятый на Западе стандарт «высокой культуры». «Исторически новаторские попытки тонкого слоя украинской и белорусской национальной интеллигенции создать собственную полноценную «высокую культуру» на основе местных диалектов привели к определённым результатам, но не были завершены в силу различных исторических причин» [Шевченко 2006: 13]. В связи с этим ««создание» украинцев и белорусов – <...> это не борьба за то, чтобы некая объективно существующая общность «осознала себя» и «возродилась»<...>, а именно борьба за создание нации <...> из национально неопределённого материала» [Фурман, Буховец 1996: 57-75].

То обстоятельство, что «отношение к соседям как к странам, которые «обречены» быть в орбите российского доминирования, не способствует формированию доверия к России» [Бусыгина 2012: 381], стимулирует усиление украинской идентичности, в том числе и у определенной части русскоговорящих жителей Украины.

На территории Левобережной Украины естественные процессы *ассимиляции* украиноязычного населения всегда наталкивались на существование целого ряда *естественных барьеров*, а также сочетались с противоположно направленным процессом сопротивления ассимиляции под флагом украинского национального проекта. Советская эпоха ознаменовалась чередованием своеобразных волн наступления и отступления «украинизации», борьбы с «украинским буржуазным национализмом» и проявлениями «русского великодержавного шовинизма». В настоящее время на Украине происходит процесс *нациестроительства*, призванный объединить граждан Украины на основе ценностей украинской государственности, этнической культуры, языка и единого понимания исторического прошлого. Проверка результативности этого процесса позволит подтвердить или опровергнуть современные конструктивистские теории нации и идентичности.

Мы убеждены в необходимости разработки *новых* теоретических представлений на основе географически репрезентативного эмпирического материала. Роль региональной идентичности при этом здесь возрастает, поскольку она в какой-то степени приводит «к общему знаменателю» различные культурные предпочтения индивидов и отражает формирующиеся здесь стереотипы восприятия «украинского» и «русского». В этом контексте ключевой дискуссионный вопрос о соотношении «русского» и «украинского» начала авторы пытаются решить при помощи *модели российско-украинского этнокультурного градиента*.

В настоящей статье мы стремимся ответить на изложенные ниже вопросы.

1. В каких формах выражается в настоящее время региональная идентичность на рассматриваемых территориях?

2. Как проявляются в региональной идентичности особенности национальной политики?

3. Произошли ли какие-либо существенные изменения в самоидентификации населения рассматриваемых территорий? В какой степени эти изменения связаны с местными историко-культурными факторами? Есть ли пространственная обусловленность в этих изменениях?

4. Каково соотношение наследуемых, конструируемых и изменчивых компонентов в этнической идентичности, формирующейся на территории российско-украинского приграничья и соседних областей Украины?

Ниже мы не станем приводить конкретные примеры, цифры и данные, связанные с проведёнными авторами экспедиционными исследованиями. Мы сосредоточимся на описании подхода к интерпретации эмпирических материалов и построенных итоговых картосхемах.

Вопрос о роли этнического компонента в моделях конструируемой, а также складывающейся естественным, эволюционным путём нации; о соотношении «имперской» и «этно-

кратической» моделей нации применительно к Украине может быть уточнён на материалах Центральной России [Крылов 2010: 137-138]. Обобщение этого материала позволило нам выделить отдельные «ракурсы» (аспекты) региональной идентичности, различающиеся по отношению к критериям традиции – а тем самым и к формам выражения исторической памяти. Эти ракурсы обнаружили зависимость от уровня образования респондентов: ориентированные лишь на одну этническую группу традиционалистские формы идентичности ослабевают при увеличении уровня образования респондентов. Это может служить серьёзным аргументом при обсуждении эффективности, устойчивости и прогрессивности конкретных моделей «гражданской нации» и нациестроительства (ослабление идентичности понимается как уменьшение доли респондентов, согласных с утверждениями, принятыми в качестве индикаторов соответствующих аспектов идентичности). Значит, возможно существование ряда противоречий между моделями нации и формами национальной идентичности – в особенности между чисто этническими и другими формами идентичности, которые трактуют культурную традицию более широко и могут стать основой конструирования новых идентичностей. При этом формы идентичности, отражающие дискурс «национального Возрождения» (в России и на Украине), могут быть совершенно различными и потому по-разному участвовать в современных культурных и политических процессах.

Обозначенной проблематики украинской и российско-украинской идентичности отчасти касаются зарубежные исследователи [Smith et. al. 2000: 23-47, 119-138; Seegel 2012], однако в концептуальном отношении известные нам работы, как правило, не содержат значительной новизны, вероятно, в силу недостатка эмпирических данных.

Национальные контексты изучаемых явлений

Сегодня региональные и этнокультурные идентичности, а также историческая память выполняют важную функцию регулирования и сохранения во времени (преемственной передачи) нематериального историко-этнокультурного наследия как региональных, так и местных сообществ, в том числе на постсоветском пространстве. Обладая значительной инерционностью по сравнению с более динамичными геополитическими и геоэкономическими системами, идентичности выступают в качестве «стражей» в быстро меняющихся политических условиях. Одновременно с этим они могут также провоцировать проявления национализма, сепаратизма или сепессионизма, а могут и стимулировать проведение гибкой, сдержанной политики, учитывающей региональное разнообразие. Возможно, по этой причине региональную идентичность часто противопоставляют идентичности национальной, которую пытается конструировать каждое государство. Вместе с тем, несомненно, региональная и этнокультурная идентичности со временем трансформируются, прежде всего, посредством устойчивого политического воздействия на тесно связанную с ними национальную идентичность.

Конечно, деятельность культурных и политических элит, официальная культурная и образовательная политика и идеология лишь в некоторой степени формируют самосознание населения. Однако именно эта сфера, а не непосредственно самосознание населения, подчинённое более тонким и интимным взаимосвязям, в большей степени привлекает внимание исследователей и потому в большей степени изучена.

К 1991 году многообразие форм и путей исторического развития отдельных частей Украины подготовили неоднозначный фундамент для формирования собственной национальной идентичности и государственности. Украинскому истеблишменту потребовались эффективные стратегии и концепции для дальнейшего развития, которые: а) способствовали бы быстрому сплочению территориально, культурно и политически разобщённого гражданского общества, б) стимулировали бы признание соседями и крупными субъектами мировой политики государственных границ и суверенных прав Украины, в) подтверждали бы легитимность вновь избранных властей и организуемого ими государственного устройства.

Для Украины, как и для Беларуси, России, государств Балтии и отчасти Закавказья, решение этой сверхсложной задачи было сопряжено с проблемой *выбора* между восточными и западными моделями развития. Эта дихотомия носила всеобъемлющий характер: дискурс Запада сводился к «светлому» демократическому будущему, с характерным для него свободным рынком и плюрализмом, тогда как дискурс Востока – к «тёмному» социалистическому/коммунистическому прошлому, жёстким плановым институтам неэффективного управления, «уравниловке».

В большинстве случаев выбор был сделан в пользу Запада, однако реализовывался он в разных странах по-разному и с различной степенью интенсивности – в зависимости, в частности, от политики памяти и «исторической политики» [Касьянов, Миллер 2011]. Так, Украина вслед за прибалтийскими странами взяла курс на построение политической гражданской нации, в основе которой лежит идея о первенстве прав титульного народа.

С позиций «абстрактно» понимаемых прав человека и мониторинга их соблюдения подход к образованию, выделению и конструированию наций, распространившийся в Европе со времён французской революции 1789 г. и подкреплённый Версальским мирным договором, никак не может быть признан удовлетворительным. Обсуждению этого вопроса посвящены работы В.А. Сендерова [Сендеров 2012], который пытается провести логическую и историческую связь между современными понятиями «государство-нация» и «национальное государство», с одной стороны, и «нацизмом» и «национал-социализмом», с другой. Очень сходная позиция излагается в концепции В.Л. Цымбурского. «Используя тот или иной термин, включённый в многовековую ретроспективу политической мысли, идеологи и политики-практики обычно придают ему то из возможных значений, которое отвечает их сегодняшнему пониманию обобщённой фундаментальной реальности, отложившейся в семантической структуре термина. Они, как правило, однобоко представляют себе значения слов – ибо упрощённо видят, в парадигмах своей эпохи, скрывающиеся за этими словами аспекты политического космоса» [Цымбурский 2011: 184]. Приводимые В.Л. Цымбурским примеры и его дальнейшие рассуждения показывают, что не только отдельные политики, но и общественность и правящие либеральные режимы Запада грешат *смешением* различных значений понятия «нация». В.Л. Цымбурский склонен усматривать причину устойчивости этой неверной традиции, во-первых, в архаичном языковом синкретизме (многозначности) западных языков, не отличающих достаточно чётко народ, этнос, государственность и население государства; и, во-вторых, в самой исторической реальности большей части западных государств, в которой эти три теоретически не совпадающих понятия склонны к слиянию [Цымбурский 2011: 210]. Такая возможность смешения понятий приводит к ошибочным политическим решениям, например, применительно к бывшей Югославии [Цымбурский 2011: 211].

Между тем на Украине в соответствии с выбранной стратегией стали подвергать фундаментальной ревизии историю формирования государства и отдельных его частей, географию народов, историю права и другие сферы, лежащие в основе национальной идентичности. В повседневный и политический дискурсы, учебную литературу и СМИ стали проникать новые мифы и нарративы: о происхождении, национальном характере, соперниках и союзниках украинцев; о естественных границах; о сопротивлении и о национальном возрождении с использованием характерной риторики [Smith et. al. 2000: 119-138]; появились новые интерпретации исторических личностей и их роли для украинской нации. Нередко подобные мифы сопровождались виктимизирующими сюжетами, например, о колониализме со стороны России. А.С. Алмазов пишет: «После провозглашения Украины независимым государством часть деятелей культуры и науки, а также политиков националистического толка в рамках поиска национальной идеи пришли к полному и огульному отрицанию положительной роли России в украинской истории» [Алмазов 2012: 8].

Оценивая масштаб проявления описанных политических процессов, можно говорить о значительных усилиях, направленных на достижение в перспективе гомогенного состояния

украинской нации. Такой подход – весьма умозрительный, но понятный украинским политтехнологам – столкнулся со значительными сложностями в преодолении исторического наследия отдельных регионов Украины, её этнокультурного разнообразия и традиций общерусской и советской идентичности. Так, усилились противоречия между Западной и Восточной Украиной, Западной Украиной и Закарпатьем, Центральной и Южной Украиной, включая Новороссию и Крым [Мальгин 2005; Шевченко 2006]. Под влиянием проводимой односторонней этноцентричной политики появились различающиеся между собой исторические нарративы формирования отдельных регионов Украины – украинофильская и русофильская версии [Smith et. al. 2000: 23-47; Шевченко 2006]. Кроме того, открытыми остались вопросы использования языка, имеющие немаловажное значение как для украиноговорящих украинцев, так и для русскоговорящих украинцев и этнически русских граждан Украины. Весьма проблематичными пока остаются вопросы о «малороссиизме» (по О. Субтельному) и о вкладе Слободской Украины в принятую модель построения украинской нации.

Методика исследования

Методика нашего исследования опирается на систему экспертных интервью, глубинных опросов и анкетирования, а также на натурные полевые наблюдения.

Применение социологических методов было логически и структурно выстроено таким образом, чтобы получить качественно-количественную информацию об изучаемых индивидах и образуемых ими региональных сообществах. Ранее этот подход был применён М.П. Крыловым на территории Европейской России в 2001-2003 гг., и обоснование его применения представлено в статье [Крылов 2005].

Структура и содержание анкеты

Круг авторских вопросов анкеты в рамках исследования был существенно расширен по сравнению с уже проведенными ранее работами в Центральной России (2001-2003 гг.), российской части российско-украинского пограничья (2008-2010 гг.) и белорусско-польско-литовском пограничье (2011 г.). Мы разработали специальную анкету с незначительными вариациями отдельных вопросов для каждого изучаемого региона. В целом, применялись два варианта анкеты – для Украины (на русском и украинском языках) и для России.

Вопросы мы разделили на описанные ниже тематические блоки.

Блок 1. «Малая родина».

– Различаете ли Вы понятия «большая Родина» и «малая Родина»? Какие территории, земли, места для себя Вы с ними связываете?

– Вы здесь – местный или нет? (Варианты ответа: «да, я здесь родился и вырос», «да, я считаю себя местным, хотя родился и вырос в другом месте ...», «местным себя не считаю, хотя живу здесь давно», «я не считаю себя местным»).

Блок 2. Генеалогия.

– Назовите места, районы рождения ваших родственников: по материнской линии, по отцовской линии.

– Знаете ли Вы места, районы захоронения своих предков? (Назовите их хотя бы приблизительно).

Блок 3. Своя местность, соседние территории.

– Как Вы считаете, к какому краю традиционно (исторически) относится местность, в которой Вы сейчас живёте?

– Какой город для здешней местности Вы считаете центральным?

– С каким городом обычно сравнивают Ваш город?

– В соседних областях России многие считают, что было бы неплохо усилить российско-украинские связи на основе традиции Гетманщины или Слободской Украины. Как Вы к

этому относиться? (для России – «Как Вы относитесь к тому, чтобы усилить российско-украинские связи на основе традиции Слободской Украины?»).

– Ощущаете ли Вы давление, конкуренцию со стороны соседних регионов Украины или России? Если «да», то каких именно? В каких формах проявляется это давление?

Блок 4. Связь с землёй и окружением.

– Подчеркните в списке города, которые относятся к Вашему краю, и жителей которых Вы считаете земляками (предлагался регионспецифичный список городов и центров собственной области и граничащих с ней, в том числе и соседних государств).

– Начертите границу Вашей «малой Родины» (вашего края), руководствуясь своим «внутренним ощущением». (Предлагалась условно «немая» картосхема с примером заполнения. На картосхеме были отмечены пунсонами *только* населенные пункты и их названия. Отбор пунктов стремился к равномерному распределению населенных пунктов на листе, как по принципу однородного поля).

Блок 5. (Историко-)этнокультурная идентичность.

– Кого, с Вашей точки зрения, можно назвать русским? Варианты ответов: «Того, кто считает русский язык для себя родным или пользуется им в быту», «...родился в России», «...приехал из России в Украину жить», «...у кого в России корни, родственники», «...себя называет русским», «...кого считают русским», «...имеет русскую фамилию», «...у кого родители русские», «...у кого хотя бы один из родителей русский», «...имеет российское гражданство» (для России). Для Украины использовался аналогичный вопрос «Кого, по Вашему мнению, можно назвать украинцем?».

– Кто Вы? (Варианты ответа: «украинец», «1/2 украинец», «1/2 русский», «1/2 белорус», «украинец и русский одновременно», «другое»).

– Как бы Вы могли субъективно оценить (в процентах) долю проживающих в Вашем городе русских и украинцев?

– С каким регионом у Вас ассоциируются украинские традиции? (для России – «... ассоциируется сохранение традиций»).

– Можно ли сказать, что в Вашем городе, местности хорошо знают и соблюдают украинские традиции? (для России – «... русские культурные традиции?»). Среди вариантов ответа была возможность отметить, что в последние годы наблюдается возрождение, например, особенностей архитектуры, кухни, фольклора, заботы о местном историко-культурном наследии, краеведения, интереса к истории своего края, истории страны и т.п.

– Ощущаете ли Вы отличия (в культурном облике, темпераменте, особенностях поведения, в быту) жителей Вашей местности от жителей других регионов Украины?

– С каким близлежащим регионом существуют наибольшие отличия? (для ответивших утвердительно на предыдущий вопрос).

– В каком аспекте Вы воспринимаете известную идею «славянского единства»? (Варианты ответа: «в аспекте культурного единства всех славянских народов: чехов, словаков, поляков, сербов, болгар, белорусов, украинцев, русских и др.», «(гео)политического единства всех славян», «активного сотрудничества восточных славян на равноправной основе», «культурного, политического и экономического единства украинцев, белорусов и русских», «другое»). Актуальна ли эта идея сейчас – в XXI веке, в указанном Вами аспекте? Как Вы сами относитесь к этой идее?

– Как Вы относитесь к отделению православной церкви Украины от Русской православной церкви? (для России – «... к отделению от Русской православной церкви православной церкви Украины?»).

– Назовите примеры прозвищ или шуток о жителях соседних территорий, о жителях Вашего города, которые у Вас бытуют (допустим, о чертах характера, быта, поведения, исторического прошлого).

Блок 6. Историческая память, мифы, ассоциации.

– Какие интересные памятники, монументы появились в Вашем городе за последние 20 лет?

– Какие монументы, в честь каких знаменитых людей, исторических событий следовало бы дополнительно установить?

– Каких земляков, уроженцев Вашей местности у вас помнят, почитают?

– Какие события отдалённого и недавнего прошлого Вам кажутся интересными, значимыми, поворотными для Вашего края?

– Какие события прошлого, местной истории, связанные с Россией или СССР, по Вашему мнению, должны вызывать чувство гордости; а какие – наоборот – чувство досады или негодования?

– Как Вам кажется, почему Харьков оказался, с точки зрения советских властей, менее подходящей столицей для Украины, чем Киев?

– Скажите, пожалуйста, что первое приходит Вам в голову (какие мысли, образы или ассоциации), когда Вы слышите слова «Россия» (для России – «Украина»), «казачество», «советский человек», «слобожане», «Малороссия» (для России – «Россия»), «кацап»?

Блок 7. Трансграничные связи.

– Сожалеете ли Вы, что в недавнем прошлом возникла государственная граница с Россией?

– Как часто Вам приходится бывать в соседнем государстве? (Варианты ответа: «чаще, чем 2 раза в год», «1-2 раза в год», «реже 1 раза в год», «не бывал»).

– Как часто Вы посещали Россию (для России – «Украину») ранее, до 1991 года?

– Если Ваши поездки в Украину сократились, то с чем это, в основном, связано? (Варианты ответа: «очень дорогой проезд», «сложности с пересечением границы», «сообщение стало неудобным, редко ходит транспорт», «возраст и состояние здоровья», «меня больше не связывают родственные и служебные отношения», «много работы, нет времени», «нет необходимости», «неблагоприятный курс валют», «взятки при пересечении границы», «другое»). Этот вопрос был заимствован с незначительной модификацией из анкеты В.А. Колосова.

Блок 8. Формальные данные респондента.

– Назовите свою профессию или род занятий.

– Укажите, пожалуйста, Ваш пол, возраст, образование, место жительства (область, район, город).

Интерпретация результатов анкетирования

Авторы заложили в вопросы анкеты *систему критериев*, призванную интерпретировать полученные ответы респондентов относительно присутствия *России* в их идентичности, в том числе тяготения (в разных формах и смыслах) к России.

Универсальные критерии:

– язык, самосознание, «корни», земляки;

– образ России;

– отношение к появлению новой государственной границы;

– целесообразность усиления связей между Россией и Украиной.

Дополнительные критерии:

– давление со стороны России;

– интерпретация совместного прошлого.

Косвенные критерии:

– отношение к проблеме славянского единства;

- отношение к автокефальной православной церкви в Украине;
- активное отношение к общим успехам в советском прошлом.

Указанные выше критерии в комплексе позволяют интерпретировать позиции респондентов по основному спектру представлений и убеждений в диапазоне от необходимости этнокультурного и этнополитического сближения с Россией до признания украиноцентричной модели политической гражданской нации, в том числе дистанцированной от общерусской культуры, русского языка и российской истории.

Проведение полевых исследований и организация анкетирования

На момент написания статьи в распоряжении авторов суммарно имеется 482 вновь собранные в 2012 г. анкеты. В их числе 243 анкеты экспертов, преимущественно, из числа работников учреждений культуры и образования, историков-краеведов и 239 анкет студентов географических и исторических специальностей российских и украинских вузов.

В изучении региональной идентичности местных сообществ и региональной самоидентификации отдельных индивидуумов особенно важно и необходимо географически обосновать выбор мест проведения социологических изысканий. В значительной степени это связано с характером изучаемого явления, которое по своей природе чувствительно к пространству, а нередко – детерминировано им. Игнорирование этой особенности неизбежно приводит к искажению данных по восприятию населением своей территории и не оставляет возможности для корректной географической интерпретации полученных материалов.

В натурных полевых наблюдениях особое внимание уделялось состоянию и характеру старых и вновь появившихся материальных и нематериальных маркеров в историко-культурном ландшафте – архитектурных, музейно-экспозиционных, монументальных, стереотипно-поведенческих, например, связанных с устной (местные говоры, суржик [Курохтина 2012]) и письменной речью, их «украинизированностью» или «русифицированностью» (наружная реклама, вывески, граффити).

Во время интервью выяснялось, какие существуют позиции и как интерпретируются разные историко-культурные объекты населением и сотрудниками музеев, научно-просветительских и образовательных центров. Кроме того, была натурно оценена направленность политики памяти и политики идентичности в экспозиции старых и вновь созданных музеев и в агитационных политических акциях, митингах, в материалах и выступлениях политиков, в частности, в выступлении экс-президента Украины В. Ющенко перед студентами и преподавателями Сумского государственного педагогического университета им. А.С. Макаренко 12 сентября 2012 года.

Экспедиционные поездки были проведены в несколько этапов, организованных по маршрутам на территории соседних регионов Левобережной Украины и России:

1. Харьковская и Полтавская области Украины (19-31 мая 2012 г.): Харьков – Купянск – Изюм – Балаклея – Чугуев – Богодухов – Золочев – музей-усадьба Г. Сковороды (Сковородиновка) – Красноград – Полтава.

2. Южная часть Сумской области Украины (1-9 июля 2012 г.): Сумы – Краснополье – Белополье – Ахтырка – Лебедин – Национальный историко-культурный заповедник «Посулье» – Ромны.

3. Северная часть Сумской области, Черниговская область Украины, Курская область России (30 августа – 16 сентября 2012 г.): Сумы – Глухов – Путивль – Шостка – Новгород-Северский – Чернигов – Нежин – Батулин – Конотоп – Сумы – Суджа – Рыльск – Курск.

4. Город Киев и Киевская область Украины (31 октября – 14 ноября 2012 г.).

Модель этнокультурной интерференции (градиент): Итоги экспедиций 2012 года

Ранее нами была предложена *пространственная модель исторической и культурной интерференции*, отражающая степень современного присутствия украинской культуры в сознании населения российской части российско-украинского пограничья [Гриценко 2011а,б; Крылов 2012а,б] и показывающая «статичный срез» в процессе пространственной изменчивости идентичности по мере развития территорий. Эту модель мы называли *этнокультурным градиентом*. Экспедиции 2012 г. позволили доработать и применить эту модель по другую сторону российско-украинской государственной границы.

На территории России происходила естественная, постепенная и далеко не завершённая к настоящему времени ассимиляция коренного украинского населения в обширной приграничной зоне. Элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей граничащих с Украиной территорий. Эта органичность усиливается благодаря сохранению традиционных элементов украинской культуры в историко-культурном ландшафте [Крылов, Гриценко 2012].

В России *градиент* характеризует пространственную упорядоченность элементов украинской культуры в сознании жителей. Присутствие подобных элементов в ландшафте проявляется в наличии у населения «украинских корней» и пространственной ориентации на Украину, выраженную через рассмотрение соседних украинских областей как территорий проживания земляков (независимо от этнической принадлежности). Возникновение градиента восходит ко времени существования Слободской Украины – своеобразного русско-украинского образования в составе России. В её исторических границах продолжает сохраняться ощущение близости и сопричастности территорий России и Украины, а также русских и украинцев. За пределами Слободской Украины эффекты, связанные с ментальной близостью жителей России и Украины, русских и украинцев, сильно ослабевают. В незначительной степени это ощущение близости и сохраняется, но оно носит менее устойчивый характер, поскольку перестаёт быть составной частью региональной идентичности.

На территории Украины элементы русской культуры как культуры этнической («великорусской») представлены достаточно явно, что показано для совсем недавнего прошлого в классических работах Л.И. Чижиковой [Чижикова 1988]. Однако для названного *градиента* на территории Украины их вряд ли можно считать достаточными в силу ориентации на традиционную культуру и непроявленность в «этнизированной» региональной идентичности российско-украинского пограничья, в частности, в городах. В общем виде проблемы русских на Украине и украинцев в России асимметричны.

На Украине рассматриваемый *градиент* определяется, прежде всего, характером отношения к России как к целому (в то время, как в России – через отношение к *соседним* регионам Украины как к своим). Это отношение зависит от множества факторов. Отношение к России может быть как к «сестре», как к дружественному, но иногда и как к недружественному, соседу, оказывающему давление на Украину и, в частности, на приграничные регионы. Стереотип такого отношения к России в значительной степени складывается на местном уровне и раскрывается посредством индикаторов, отражающих культурную, этнокультурную, этнополитическую дистанцию или, наоборот, близость к России. Поэтому культурная (этнокультурная, этнополитическая) дистанция в отношениях России и Украины может быть учтена моделью градиента, показывающего её зависимость от позиционного фактора.

Градиент отражает *характер пространственных изменений в соотношении «украинских» и «русских» компонентов идентичности населения соседних районов России и Украины* (см. рис. 1).

В качестве компонентов градиента рассматривались следующие:

- представления о своих корнях и об ареале проживания «земляков»;
- образы страны-соседа;

- мнения об искусственности или естественности новой государственной границы и о целесообразности усиления двусторонних связей между Россией и Украиной;
- ощущения оказываемого давления со стороны соседних регионов России и Украины;
- личные отношения к России (Украине), в том числе в интерпретации совместного прошлого;
- отношение к идее славянского единства и к разделению Русской православной церкви;
- бытовое общение, связанное с использованием украинского языка или одного из вариантов русско-украинского диалекта (суржика).

В свете сказанного представляется более верным именовать рассматриваемый нами *градиент* на территории Украины не «русско-украинским», а «российско-украинским», что, по нашему мнению, позволяет сместить исследовательский акцент от нередко навязываемого геополитического соперничества России и Украины к историко-географическому и этнокультурному взаимодействию в пределах пространства их интерференции.

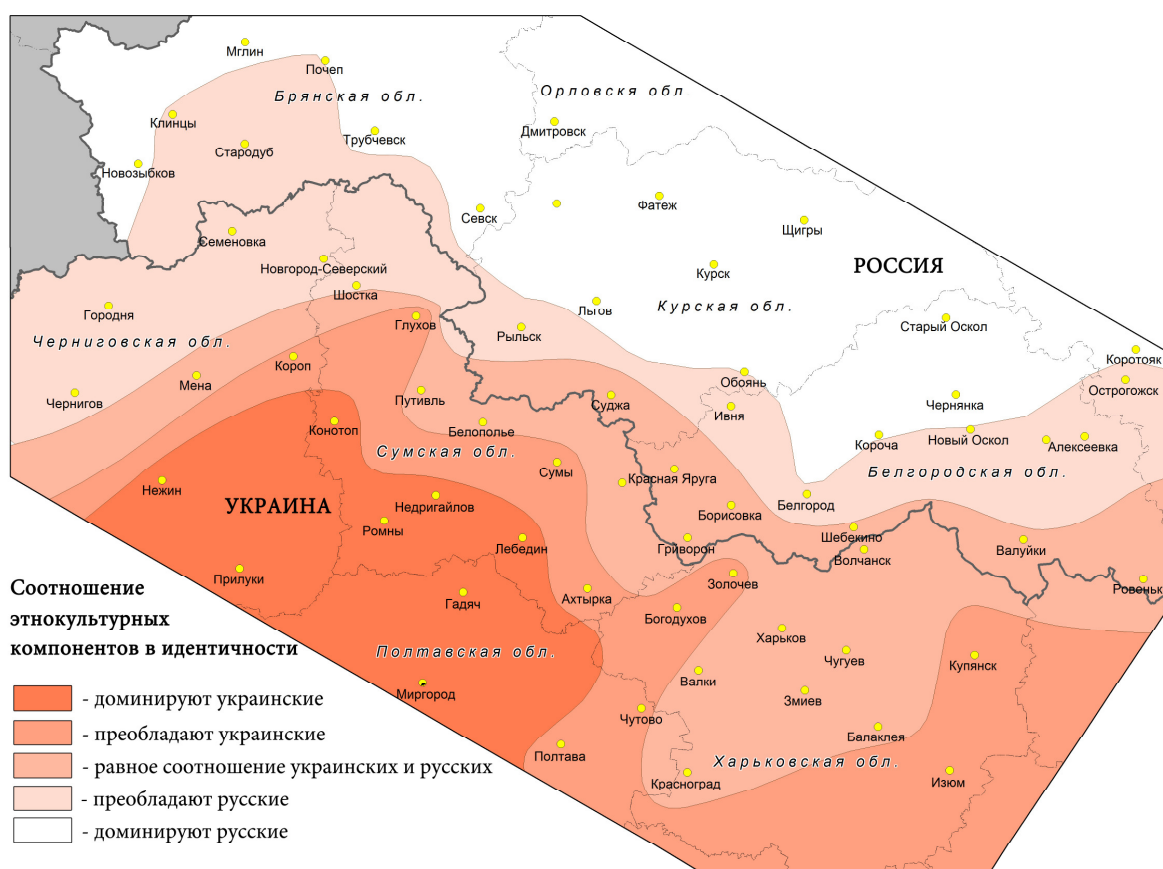

Рис. 1. Российско-украинский этнокультурный градиент

Отметим, что увеличение степени «украинизированности» территорий в рамках модели градиента, как правило, пространственно не коррелирует с историческими границами Гетманщины и Слободской Украины, хотя и, в конечном счёте, стремится к ним. Вероятно, здесь сказывается древний «общеславянский» характер населения Северной земли (Новгород-Северский, Чернигов).

Рассматривая другой пространственный аспект идентичности, мы генерализовали данные по *восприятию жителями своей «малой родины»*. В результате мы смогли картографировать *ментальные регионы* для Курской и Сумской областей (см. рис. 2, 3).

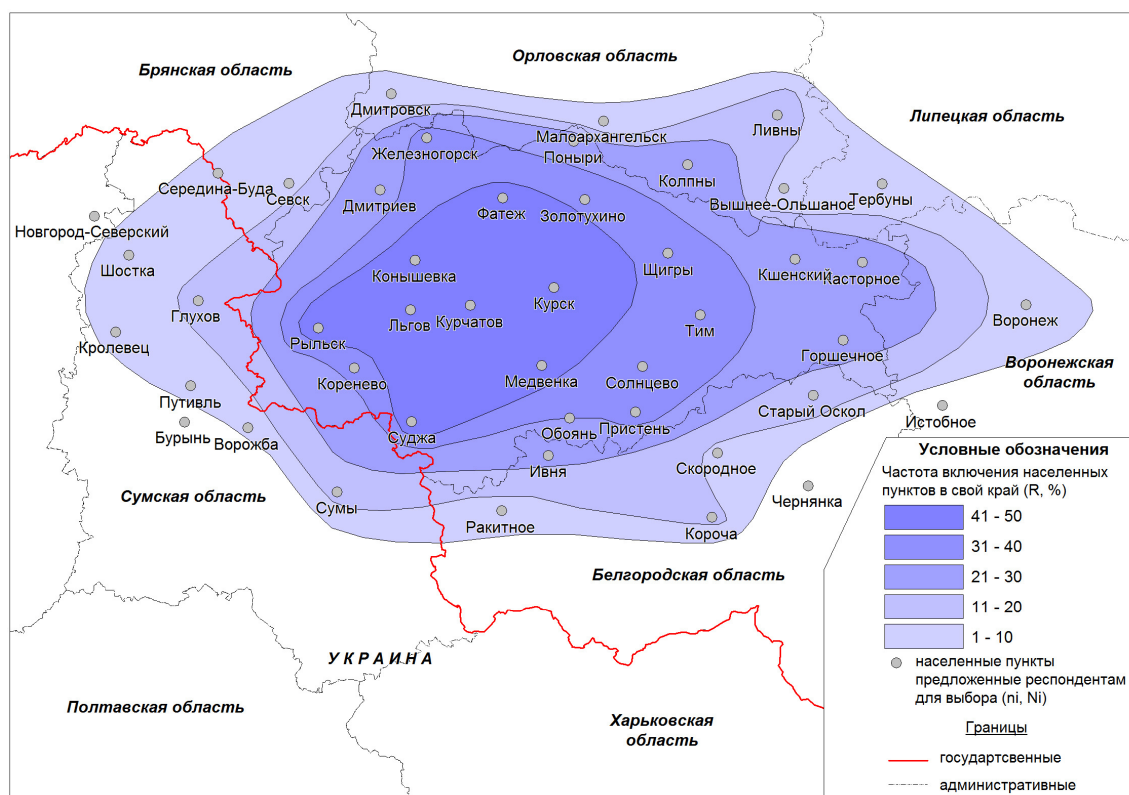

Рис. 2. Курский ментальный регион

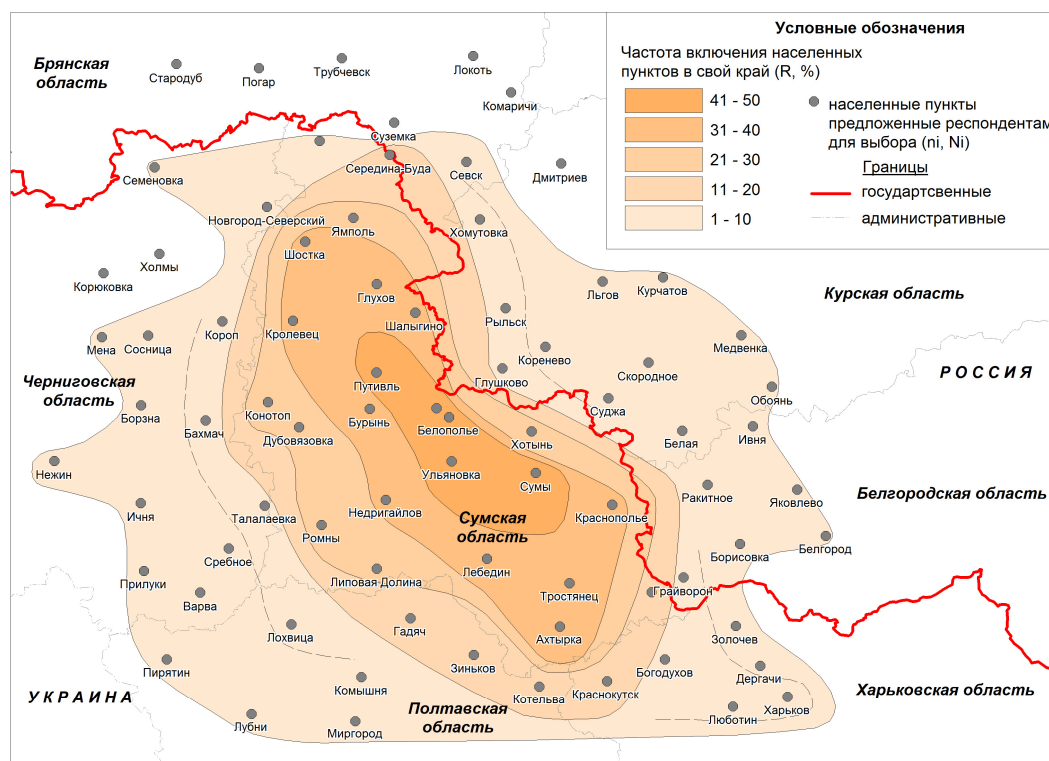

Рис. 3. Сумской ментальный регион

Ментальные регионы иллюстрируют: у россиян пространственная ориентация на Украину в региональной идентичности значительнее, чем у жителей Украины – на российские регионы. Мы связываем это с проведением активной, но часто непоследовательной и противоречивой исторической политики в рамках нового украинского государства. Так, активное включение российской части Слободской Украины в украинскую учебную литературу и историко-географические атласы в качестве исторической части Украины сочетается с практически полным игнорированием роли отдельных украинских по происхождению личностей, имевших отношение к России и русской культуре. Казачество Слободской Украины парадоксальным образом не находит себе места как в украинской национальной истории, так и в политической риторике, оказавшись исчезающим компонентом местной идентичности украинцев. Например, слободские казаки полкового центра Сумы оттеснены в городской символике и сознании жителей города к гусарам XIX века.

В России же активная историческая политика в отношении Украины в последние два десятилетия не проводилась, подспудно способствуя сохранению исторической памяти о русско-украинской Слободской Украине и Гетманщине. В Острогожске Воронежской области (также полковом центре) память об украинских казаках всё ещё сохраняется – возможно, в большей степени, чем в Сумах. По крайней мере, местные краеведы и политические элиты инициируют возведение монументов, посвящённых событиям местной истории, общим для России и Украины (монумент на месте встречи гетмана Мазепы и Петра I в 1697 г.).

На Украине можно констатировать, таким образом, несогласованность в декларируемой концепции «собираания украинских земель». На наш взгляд, основная причина – в политике «опоры» лишь на *некоторые* отдельно взятые исторические территории Украины как *эталонные* в конструировании нации.

Кроме того, в ходе экспедиций мы обнаружили своеобразные *очаги* с наиболее яркими особенностями региональной идентичности. Они тяготеют к идентификационно значимым историко-культурным центрам – Полтаве, Глухову и Нежину, Сумам, Харькову, Рыльску, Курску. Их специфичность по отношению друг к другу состоит в неравной пропорции украинских, общерусских и советских компонентов идентичности.

Обсуждение результатов

Результаты наших полевых исследований позволяют сделать вывод о том, что широкое *распространение общерусской культуры на территории Украины не отвергает украинскую культуру* и идею украинской нации в Левобережной Украине; не противопоставляется ей, а скорее дополняет её. Здесь речь идёт не только и не столько о так называемых «русско-говорящих украинцах» (плохо владеющих и, возможно, не желающих изучать литературный украинский язык), сколько о жителях украинских городов, широко использующих русский язык или одну из разновидностей русско-украинского суржика в качестве языка повседневного общения. Можно привести в качестве характерного примера Полтаву, которая обычно считается одним из наиболее «украинизированных» городов Левобережной Украины: русская или русифицированная речь «на улице» здесь явно преобладает.

При этом тесной связи между распространением общерусской культуры и степенью геополитической ориентации на Россию при самоидентификации населения, как ни парадоксально, *нет*. Эти феномены лежат как бы в разных, но одновременно и пересекающихся плоскостях.

Исторический опыт жизни на территории Украины, восприятие её как своей Родины определило многие отличительные особенности мироощущения населения Левобережной Украины, по крайней мере, её провинциальной части. Речь идёт об ориентации жителей, в первую очередь, на Украину, и только потом – на различные стороны общерусской культуры и истории.

В то же время и среди двуязычного населения Левобережной Украины, и среди преимущественно украиноговорящих украинцев совершенно не обязательно должны быть распространены черты «ментального отторжения» России.

Представляется, что русский язык и общерусская культура – далеко не единственные и, вероятно, не решающие факторы гражданской и макрополитической [Малинова 2011] идентичности, но одновременно – важные и требующие учёта детерминанты этнической и региональной идентичностей.

Все выше обозначенные обстоятельства, не должны быть восприняты читателем как свидетельства завершённости и *консолидации государства-нации* на территории Украины в понимании теоретиков государств-наций (однозначный приоритет принципа монизма над принципом плюрализма, унификации над дифференциацией). Мы считаем, что для *оценки консолидации Украины как государства-нации необходимо учитывать вопрос об этнокультурном разнообразии*, без которого проблема нациестроительства остаётся незавершённой.

Предложенная нами модель *градиента* и соответствующая концепция на самом деле не противоречат подходу теоретиков государств-наций. Наш градиент отражает *реальный* – неоднозначный и пространственно неоднородный – процесс складывания украинской нации, а также *реально* существующие (в отличие от декларируемых политиками) *регионально дифференцированные* модели формирования украинской нации. Позволяет он и рассмотреть вопрос о неполноте консолидации украинского общества в рамках «нации».

Наши выводы могут стать дополнительным аргументом при обсуждении концепций А.И. Миллера (и, в менее жёсткой редакции, М.В. Дмитриева) о завершённости украинского нациогенеза [Миллер 2003] – в частности, касательно однозначности и целенаправленности произошедшего некогда украинского «выбора» и реализации «украинского национального проекта».

Литература

Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672 – 1687 гг.). М.: б.и., 2012.

Бусыгина И.М. Региональная интеграция в современном мире и динамика макрополитической идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред. И.С. Семененко. В 2-х тт. Т. 2 Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012. С. 365-386.

Гриценко А.А. Региональная идентичность: ситуация в российско-украинском пограничье. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011a.

Гриценко А.А. Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН. Сер. геогр. 2011б. №1. С. 31-44.

Гриценко А.А., Крылов М.П. Изменчивость или устойчивое сохранение региональной идентичности в российско-украинско-белорусском порубежье // Современные проблемы общественной географии / Под ред. С.С. Артоболевского. М.: Издатель Матушкина И.И., 2011. С. 35-44.

Касьянов Г.В., Миллер А.И. Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. М.: РГГУ, 2011.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010.

Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. №3. С. 13-23.

Крылов М.П. Приграничная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред. И.С. Семененко. В 2-х тт. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012б. С. 147-153.

Крылов М.П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012а. №1. С. 137-151.

Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28–42.

Курохтина Т.Н. К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение. 2012. №3. С. 93-101.

Малинова О.Ю. Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 144-151.

Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: Сонат, 2005.

Миллер А.И. Несколько возражений М.В. Дмитриеву // Вопросы истории. 2003. №2. С. 168-169.

Сендеров В.А. Национализм и глобальные идеологии // Вопросы философии. 2012. №6. С. 149-158.

Фурман Д., Буховец О. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. №1. С. 57-75.

Цымбурский В. Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционной бытовой культуры. М.: Наука, 1988.

Шевченко К.В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006.

Seegel S. Mapping Europe's borderlands. Russian cartography in the age of empire. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 2012.

Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E. Nation-building in the Post-Soviet borderlands. The politics of national identities. Cambridge – N.Y. – Melbourne: Cambridge University Press, 2000.